

УДАРНИК СЛАНЦА

Орган парткома,
рудкома
и комитета ВЛКСМ
Гдовского
сланцевого комби-
ната имени
С. М. КИРОВА

Первый литературный

Владимир Ильич Ленин говорил: литература должна стать частью общепролетарского дела. Сбываются эти мудрые слова. Рабочие и трудящиеся нашей страны все больше и больше приобщаются к культуре, овладевают богатым наследием классиков искусства и литературы, создают замечательные произведения нашей эпохи и кадры пролетарской интеллигенции.

Наш рабочий — не старый рабочий. Он стал на голову выше, развитее. Он идет в библиотеку, берет читать Гейне, Пушкина, Байрона, Толстого, Горького, Шолохова, И. Эренбурга. Он идет в клуб и смотрит „Севильский цирюльник“, „Чудесный силан“, трагедии Шекспира и вечером делится с товарищем впечатлениями. Он идет в литкружок и начинает настойчиво учиться новой трудной технике литературного дела.

Один из вагонщиков, пришедших на рудник недавно, сказал:

— Без грамоты теперь жить нельзя...

Если вдуматься в эти слова, то он в самом деле прав. Разве может неграмотный человек управлять машинами, разве может он стать у врубовки, разве может он, наконец, овладеть тем оборудованием, которое проникает на каждый участок? Жизнь, наша героическая жизнь заставляет учиться, учиться и учиться. Мы под руководством партии во главе с тов. Сталиным строим свою страну и создаем культурную жизнь и блага для всех трудящихся.

Выход первого номера нашей рудничной литературной газеты имеет огромное значение для комбината. Она показывает, как растут рабочие наших рудников, как они вместе со страной овладевают культурой.

Литературная газета должна сплотить вокруг себя весь литературный и культурный актив, должна стать его трибуной. Со страниц газеты должны полным голосом заговорить наши молодые таланты. Эта газета должна стать впереди рабочей массы и повести ее в бой за овладение культурой.

Коммунисты, рабочие-ударники, начинающие музыканты, художники, писатели, культработники, артисты — входите в работу газеты и становитесь ее полными хозяевами...

„Надо ли говорить, что чем совершеннее оружие, тем лучше оно обеспечивает победу. Книга есть главнейшее и могущественное орудие социалистической культуры.“

Вперед и выше — это путь для всех нас, товарищи, это путь единственно достойный людей нашей страны, нашей эпохи.“

Из заключительной речи А. М. ГОРЬКОГО на первом съезде писателей.

Литература становится частью общепролетарского дела

УДАРНИКАМ ГДОВСКОГО СЛАНЦЕВОГО КОМБИНАТА

Правление Ленинградского отделения Союза Советских писателей поздравляет ударников Гдовских сланцевых рудников с выпуском первого номера литературной газеты.

Выпуск литературной газеты на сланцевом комбинате, созданном по инициативе СЕРГЕЯ МИРОНОВИЧА КИРОВА — это еще одно свидетельство гигантского культурного роста рабочих и колхозников нашей родины, это еще одно свидетельство интереса и любви трудящихся к нашей художественной литературе.

Страницы вашей газеты должны быть посвящены не только произведениям начинающих писателей — рабочий читатель должен быть знаком и с новинками советского театра, кино, музыки, живописи.

Сбываются слова ЛЕНИНА — литература становится частью общепролетарского дела.

Председатель Лен. отделения Союза Советских писателей

Н. ТИХОНОВ.

Отв. секретарь ВЕСНАМЯТНОВ.

За овладение

литературным мастерством

Гдовская районная литературная группа горячо приветствует выпуск первого номера литературной газеты на сланцевых рудниках.

Молодые литераторы сланцев упорно учатся и плодотворно работают. И они и их детище — литературная газета имеют огромное будущее. Богатейшая история гдовских сланцев, вызванных к жизни мудростью незабываемого Кирова, будет написана теми, кто делал эту историю — старыми шахтерами и ком-

сомольцами города Ленина.

Именно на сланцах литературный поход — имени С. М. Кирова — может и должен принять наиболее богатые, наиболее массовые формы. Литературная газета — одна из таких форм. Вперед за овладение литературным мастерством, за упорную учебу. Да здравствует советская литература! Да здравствует наш друг и учитель Максим Горький!

От имени райлитгруппы

Л. Мелковская.

Что читают коммунисты

Коммунист Николаев читать любит. Он часто заходит в библиотеку и просит почитать, „чтонибудь новенькое“.

Прочел Николаев немало интересных, принесших пользу, художественных произведений. Большое впечатление произвели на него книги Шолохова „Поднятая целина“, „Тихий дон“. Читал он их жадно, затрачивая на чтение все свободное время. „Жил жизнью героев, болел их болезнями“, так он рассказывает сам. Образ коммуниста Давыдова заставил его подумать о себе, о своей работе. А образ кулака, действующего „тихой сапой“, научил по иному пристрастываться к людям...

Прочел Николаев также и книгу Ал. Толстого „Петр Первый“. Впечатление хорошее.

— Книга хорошо показывает прошлое и поэтому понастоящему начинаешь чувствовать величие наших дней и становишься радостно, хорошо жить — делится своими впечатлениями Николаев...

Николаев не одинок. Большинство коммунистов парторганизации комбината следят за художественной литературой, любят ее. Парторг Беляев находит время не только для партийной работы, не

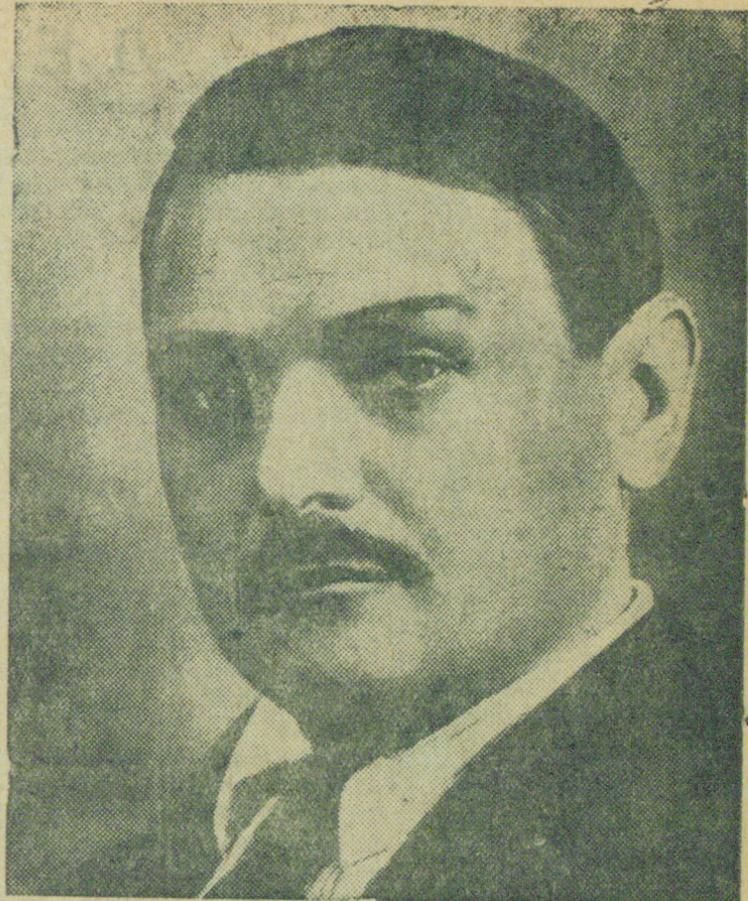
только для чтения политической литературы, он знаком с лучшими произведениями советской литературы и классиков. Он прочел романы Шолохова, „Я люблю“ Авдеенко, „Петр Первый“ Ал. Толстого и т. д.

Но есть и совершенно противоположные люди. Председатель стройкома стройцеха Чернов за последние несколько месяцев не прочел ни одной книги. О книгах советских писателей „имеет понятие“ только по наслышке. А ведь он обязан прививать рабочим строителям вкус художественной литературы, должен познакомить и приобщить их к литературе!

— Плохо то, что массовой работы с художественной книгой не организовано, — вполне правильно заметил коммунист Николаев. — А ведь мы, подчас, не можем в книге разобраться...

Он прав. Партком и рудком обязаны всерьез взяться за работу с книгой. Готовясь к окружной и районной партийным конференциям пора подумать о громадном культурном и воспитательном значении книги.

А. Ивин

„Наша литература является самой молодой из всех литератур всех народов и стран. Вместе с тем, она является самой идейной, самой передовой и самой революционной литературой.“

Нет и никогда не было литературы, кроме литературы советской, которая организовала бы трудящихся и угнетенных на борьбу за окончательное уничтожение всей и всяческой эксплуатации и ига наемного рабства.“

„Такой передовой, идейной и революционной литературой могла стать и стала в действительности только советская литература — плоть от плоти и кость от кости нашего социалистического строительства.“

(Из выступления секретаря ЦК ВКП(б) и ОК и ЛК ВКП(б) тов. А. ЖДАНОВА на съезде писателей)

Соберем произведения народного творчества

Сколько замечательных произведений создал и создает наш народ. Песни, частушки, сказки, легенды — непрерывно творят безмянные творцы и их шлифует, перделывает весь народ. Проводящийся в нашей стране сбор этого материала, этих народных

произведений дал большие результаты.

Много новых частушек и песен поют и наши рабочие. Поют старые песни о старом житье — бытие и новне, созданные уже после революции.

Наша редакция организует сбор песен, частушек, сказок легенд и т. д. Мы обращаемся к рабочим, к служащим и инженерно-техническим работникам с просьбой: записывайте произведения народного творчества и сдавайте в редакцию. А лучшие из них будут напечатаны в нашей газете.

Над чем работают начинающие писатели

■ И. Чудинков. Закончил первую часть рассказа „Тревожная ночь“ о комсомоле, о его героической будничной работе. В ближайшее время рассказ будет обсуждаться на литгруппе.

■ И. Ветров. Пишет цикл стихов „о молодежи, родине и любви“. Работает также над повестью „Испытание“.

■ Дл. Томшин. Пишет стихи о молодежи.

■ Б. Маринский. Начал писать несколько стихов о комсомольцах сланцев.

КЛАД

И вот опять пришел рас свет,
Заря течет струею меди.
Ая держу в руках портрет
Недавно умершего деда.
Портрет надорван и измят
И еле виден шрам на шее.
Портрет нарисовал мой брат,
Угля и чувства не жалел.
Не разрукой я трогаю шрам,
Крест на изношенной шине
Не раз рассказывал дед нам
О сопках, боевых метелях
Он был неустрашим и смел
И душу вкладывал в рассказы
При этом дед на нас смотрел
Прищуренным и хитрым глазом.
Он на манчжурских сопках стоял,
У Мукдена оставил руку
И была делом не простым
Его военная наука.
Прошел дорог и мест — не считая
Размеренным солдатским шагом.
И все берег, как жизнь, как честь
Слова непонятой присяги.
По вечерам сова кричит —
Дед верил: потаскухе — птице
И что в грозу по небу мчит
Илья — пророк на колеснице.
Что папароть — трава цветет,
Невидная в кустах овражных,
Сыскать ее мешает черт
Похожий на козла и важный.
Все потому, что жизнь горька,
И так редко бывала радость
Мой дед лет сорок проискал
Тяжелое богатство клада!
Держу в руках его портрет,
Рассматриваю очень строго.
Эх! — если бы не умер дед —
Ему бы рассказало многом,
Тряся за плечи старика,
Устроившись на лавке рядом:
Я клад хороший отыскал
Моя страна —
Мой клад и радость.
За этот клад и жизнь и кровь
Отдать твоей внучке готов.
И. Ветров

ДЕД КУЗЬМА

(Отрывок из повести)

Тяжелая, пережатая вдоль и поперек железными полосами, дверь отчаянно скрипит и с силой хлопает каждую минуту. Издали видно: дед Кузьма медленно и неохотно поднимается со своей маленькой табуретки. Он ковыляет навстречу вошедшему и поднимает вверх правую руку. Потом он неспеша левой рукой, а ва ней нехватает двух пальцев, лезет в карман и достает промасленный картонный футляр. Это очки. В очках дед Кузьма выглядит очень забавно. Его щуплое, попорченное оспой, лицо становится еще острее и пытливей. Редкая борода аккуратно расчесана и торчит вверх. Когда он просматривает пропуск, то сгибается, а рука, как семофор, все поднята вверх. Просмотрев пропуск дед облегченно вздыхает и долго провожает вошедшего прищуренными глазами, — уже без очков. Своей работой сторожа дед Кузьма гордится. Он любит этот цех. В нем он рес, впервые взял в руки пилу, получил первый подзатыльник от мастера. Мастер был пьян и рыгал. А вечером Кузьку бил отец широким кушаком, придавив тяжелой ладью шею. Яростно бил, без слов. И нельзя было понять бьет ли он за непослушание мастеру или за что другое.

Было это давно и теперь сторожит Кузьманной — свой, цех от постороннего глаза. Хранит его гордости и тайны любовно и крепко.

Не раз дед Кузьма говорит мне, когда я пытаюсь проскользнуть незаметно:

— Ты опять? Коменданту звонить буду! Что с тобой поделал? И как ты понять не можешь. Пробежишь ты, другой, третий и проскользнет мимо меня, значит, какая либо сволоочь. А потом нам же с тобой напакостит.

Турбины, они, парень, чужих не любят. Особливо тех, которые гайки подбрасывают. Вот они стоят, красавицы...

Он тычет вздрагивающим и сморщенным пальцем к станду. Я тоже смотрю. Там одна за другой в ряд стоят турбины. Они сияют переливами отшлифованных и отполированных частей.

— И я для того здесь поставлен, чтоб алименту разную не пропускать — опять говорит дед, в самом деле или нарочито коверкая слова...

— Я как... — дед несколько минут ищет сравнения и вопросительно смотрит на меня. — Я как... наждак, — наконец выдает он. — Сначала прочищу, а потом — жалуй в цех, к турбинам. А ты лезешь...

Мне хочется сказать Кузьме что то ласковое и теплое, но слов нет.

— Ты, дед, меня как себя знаешь...

— А вот я парень и себя не знаю... А седьмой десяток живу...

Я думаю: — А ведь прав дед. Мало ли есть разных сволочей. Турбины наши, гордость наша, чужаков не любят. Хорошо сторожат дед Кузьма. Пусть каждый из нас так бережет...

— Ну что прав я? — слышу я опять голос деда.

— Прав... Очень прав — отвечаю я ему и трясусь за руку...

Он не будет больше разговаривать. Садясь на табуретку — трехножку дед принимает сонную и безразличную позу...

Связь часто открываемую дверь в цех врывается теплый и влажный апрельский ветер. Под его сильными порывами беспокойно волнуется кумач плакатов, а стена у входа оцетинивается обрывками старых объявлений. Дед Кузьма плотнее кутается в пиджак и шевелит губами пре себя:

— Ишь ты, прощальга какой! Не надоть ему и пропуска...

Чудак дед Кузьма. Дай ему волю он и ветер в цех не пустит. И при этом поднимет руку вверх и серьезно скажет:

— Вредный ты алимент. Мокреть турбины не любят. Проржавеют они. Гвоздь ржавый и тот ломится. А турбине какво? Да я тебя с директорским не пушу...

И. Мирский

Аллея в Павловске

Челюскинцы

Угрюмый север, снегов равнины,
Туман тяжелый в воздухе повис,
Купаются в седых волнах
Седые льдины
И редко-редко голубеет высь.
А ближе к полюсу,
Где белые медведи
Купаются в краях материка
Ты только, что недавно
Стала ведома
Промерзшая и злая Арктика.
Злы льды твои.
Твои шальные волны
Мнут ледакол.
Железо давят, мнут...
Еще минута —
Трюм водой наполнен
И ледакол
Идет ко дну...
Но нет отчаянья
И вот ночлег на льдине
Палатки ветер рвет —
Холодный ветер, злой...
О них, — «за упокой»,
Молились в Берлине,
Газеты поднимали
Хитрый вой.
А поужней, лежит
И ровно дышет
Страна, которой равных нет,
Стальные плечи поднимает
Выше
Страна героизма, славы и побед...
Сказала партия:
Спасти отважных можно,
Нас никакие бури не сомут...
Стальные птицы брали
осторожно
Пространство без границ и
высоты
Волнуясь слушал я безразлич-
ный гулор:
— Челюскинцев на льдине больше нет...
С тех пор решил: о смерти
думать глупо,
Когда живешь в такой стране.
Б. Маринский
Слепая механического цеха.

Станок включен на полный ход

СТАЛИН

Отрывок из книги АНРИ БАРБЮСА

В середине апреля этого года парижским издательством Фламариона выпущена книга «СТАЛИН», написанная известным советской обществу французским пролетарским писателем АНРИ БАРБЮСОМ. Появление книги отмечено всей французской печатью. «Сталин» отмечается, как крупное литературное и политическое событие и советской печатью.

Ниже мы печатаем отрывок из книги А. Барбюса.

Еще раз возвратимся к изображению этого человека, который всегда находится между тем, что сделано, и тем, что нужно сделать. (Его обычная фраза в разговоре — это: «То что есть, — ничто в сравнении с тем, что должно быть»).

— Он — мишень наших врагов, — говорит Кюрин. — Он — это имя нашей партии, — говорит Бубнов. — Он — лучший из старой желез-

ной когорты — говорит Мануильский. — Старые большевики пользуются уважением, — говорит Микоян, не потому, что они старые, а потому, что они не стареют.

Его история — это серия успехов, достигнутых через серию страшнейших трудностей. Начиная с 1917 г., нет ни одного года в его жизни, чтобы то, что он делал, не иллюстривало чтонибудь новое. Это —

железный человек. Его имя себя оправдывает. Сталин — сталь. И он гибкий и неломкий, подобно стали. Его сила — в сильнейшем здоровом смысле (смысле), объеме его познаний, поразительной душевности, его жадности в ясности, непобедимой последовательности, молниеносности, уверенности, интенсивности его решений, неизменной способности выбирать именно тех людей, какие необходимы.

Память о мертвых живет лишь на земле. Ленин пребывает всюду, где только есть революционеры. Но можно сказать: именно в Сталине, больше, чем в кем-нибудь другом, внедрены мысль и слово Ленина. Он — сегодняшняя Ленин. Во многом он похож на знаменитого Владимира Ильича: те самые знания теории, тот самый здоровый смысл на практике, та самая твердость.

Мы знаем кое-какие секретные его величия. Кроме его гения, какие же основ-

ные? Ждать, взвешивать, не поддаваться захватывающим искушениям, иметь сильнейшее терпение. Не эта ли сила из всех революционеров, каких знала история, выдвинула именно Сталина, который практически обогатил революцию и сделал меньше всего ошибок?

Он взвешивает и много думает прежде, чем предложить какое-либо мероприятие (много совсем не означает долго). Он исключительно осмотрительный и не легко дарит своим доверием. Он говорил одному из своих ближайших соратников, который не доверял третьему лицу: «Здоровое сомнение — хорошая база для коллективного труда». Он осторожен как лев.

Этот яркий и четкий человек, как мы это хорошо видели, — простой человек. Его трудно встретить лишь потому, что он постоянно занят. Когда посещают его в каком-либо зале Кремля, встречают

всего только 3—4 человека на ступеньках и в вестибюлях. Эта органическая простота не имеет ничего общего с простотой, бьющей в нос, известного скандинавского монарха, который изволил ходить пешком по улицам, или Гитлера, принуждающего своих пропагандистов трубить о том, что он не курит и не пьет вина. Сталин регулярно ложится спать в четвертом часу утра. У него нет 32 секретарей, как у Ллойд-Джорджа, у него лишь один секретарь — тов. Поскребышев. Он не подписывает то, что пишут для него другие. Ему лишь дают материал и он сам все делает. Все проходит через его руки. И это ему не мешает отвечать или заставить отвечать на все письма, какие он получает. При встрече с ним он сердечен и доступен. Его

КОМСОМОЛЬСКОЕ СЛОВО

Два отрывка из рассказа И. ЧУДИНОВА „Тревожная ночь“

1.

Инженер Стожаров—начальник электростанции, усталый и угрюмый вышел из конторки. Дело с ремонтом котла не двигалось с места. Старые, опытные слесари, вызванные в столь поздний час и на которых он возлагал такие надежды, отказались работать в горячей топке и ушли... Ушли не сказав ни слова, ушли незвестно куда...

— Что делать? Ведь, что то надо делать!.. Ах, как трещит голова! Медлить нельзя ни минуты, иначе вода залетит шахту и... — Стожаров не додумал, только скрипнул зубами и решительно зашагал к группе рабочих, видневшихся в другом конце котельной.

— Как же с котлом то будем, Станислав Иванович? — обратился он к старшему кочегару, усатому старику Дубову. — Вся беда в том, что знающих людей нет... Ведь вот горе то в чем...

— Сам об этом думал... Что разве попытаться мне?.. Я хоть и не слесарь, но...

На минуту он замолчал.

— А, что я буду делать? — разорвал тишину третий, мальчишески резкий голос. Все оглянулись—говорил молодой слесарь, комсомолец Костя Огнев. — Что я буду делать?.. — снова спросил он. — Помогать? Кому?..

Эти назойливые, лезущие в его голову вопросы не внесли утешения. Задумчивые, словно окаменевшие лица не оживились. Огнев отряхнул со слезовки пыль, потянул на лоб, слезавшую назад кепку и опять, обращаясь к Стожарову, звонко, словно кому то отхлестывал по щекам, заговорил:

— Крепко на вас затаил я обиду, Василий Петрович. Вы ни-

когда нам—молодым слесарям не давали серьезной работы... Доверяли ее другим. А вот теперь они... Э—эх!.. Да о чем тут толковать—доверьте нам этот ремонт и мы... выдержим испытание! Выдержим, Василий Петрович!..

Лицо Стожарова, каменное до сих пор, ожило. Эти простые, полные уверенности слова испугнули и заразили его,—вдохнули в тело какую то неуловимую волну бодрости. Радостный огонек засветился в глазах Стожарова. Хотелось прижать, крепко прижать к себе этого молодого, жизнерадостного, смелого и уверенного в себе парня. Но его уже не было перед глазами... Огнев, вместе со своими друзьями—Хрущевым и Левой Осечкиным, убежал приготавливаться к ремонту.

Стожаров только успел крикнуть вдогонку:

— Крепко держи свое слово, Костя!..

2.

.. Костя уже забыл сколько раз за эту ночь пришлось побывать ему в горячей топке. Каждый раз когда он бросался в этот кипяток, каждый раз горячие, ожигающие волны его не давали окончить работу. Невыносимая топочная жара, словно растревоженный пчелиный рой в каком то злобном исступлении, до боли искусаля лицо. Оно вздувалось и горело, дыша жаром словно раскаленный металл! По мягкой, лоснящейся, ставшей слишком чувствительной коже лица, застилая глаза и солоня губы, нескончаемо лились грязные потоки пота.

... Голова уша и лицо горели, а в висках неумолчно, мелкой барабанной дробью стучал пульс. В глазах зарыбило... На окутавшей их пелене, словно на экране, под этот неугомонный стук и топот, запрыгали, заплесали в диком танце стены, заросшие

осульками расплавившихся кирпичей, закачалась нависшие своды и колесом пошло все... В бешенстве Костя из последних сил хватил с места последний колосник и... осекал. Он оказался несказанно тяжелым, словно в его пустотелое брюхо налили свинца. У Кости не хватило сил бороться с этим металлическим зверем: задрожали и подкосились ноги, ослабели и плетями опустились руки, а тело без чувств мешком упало на спину...

Снаружи это заметили. С минуту в тревожном ожидании застыли взгляды и рты, раскрытые на полуслове. Все ожидали когда он поднимется. Но потом, вдруг, шумное целоведье разорвало тишину:

— С Костей что то случилось!

— Он упал...

— С Огневым несчастье!

— Его придавил колосник...

— Тащите сюда носилки!..

Мигом чьи то здоровые, крепкие руки вытащили Костю из топки, бережно положили на скамейку. Лицо его потное и пузырящееся после порции нашатырного спирта, зашевелилось. По скленившимся над ним тревожным лицам пробежала обрадованная улыбка. Вновь по разному воздух растревожили крики:

— Да, скиньте вы с него эту фуфайку!

— Ведь ему жарко...

— Вы что с ума сепли!..

— Несите его в больницу...

Последнее все нашли наиболее благоразумным. Через минуту, провожаемые участливыми взглядами, носилки были на лестнице...

... В топке проворные руки Лени Осечкина укладывали на место последний колосник... Комсомольское слово было сдержано...

Весна в парке

Разговор с отцом

Держу в руке, другою тычу пальцем, Учительски-серьезный приняв вид: — Папаша, это есть тот самый сланец, Который замечательно горит. Он сморщил лоб и улыбнулся косо, Неловко в руки взяв кусок. Ломает, вертит, тянет к носу: — Чудная вещь! Так стало быть горит, сынок? А через день, он говорит на станции: — Гляди сосед, кусочек—этот вот Зовется мудро—сланцем, Его мой сын из шахты достает...
Первый рудник
Ал. Томишин

Литераторы Союза Советских Социалистических Республик видят для кого они работают. Читатель сам приходит к ним, читатель называет их „инженерами душ“ и требует, чтобы они организовали простыми словами, в хороших правдивых образах его ощущения, чувствования, мысли, героическую работу.
А. М. ГОРЬКИЙ

искренняя сердечность“.— говорит Серафима Гопнер. — Его доброта, его деликатность“—говорит Варвара Джапаридзе, которая болелась плечом к плечу с ним в Грузии. „Его жизнерадостность“, — говорит Орахелашвили. Он смеется, как ребенок.

Ленин, он тоже так смеялся—от всей души.

— Я никогда не встречал,—говорит Горький, — человека, чей смех был бы таким заразительным, как Владимира Ильича. Было даже удивительно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видел и так глубоко чувствовал неизбежность великих социальных трагедий, человек, непоколебимый в своей ненависти к капиталистическому миру, — мог так смеяться до слез, до „упада“. И Горький делает

вывод: „Нужно иметь очень большое и крепкое моральное здоровье, чтобы так смеяться“.

Тот, кто смеется, как ребенок, — любит детей. У Сталина их трое. Большой Яшека, и два маленьких—Василий 14 лет и Светлана 8 лет. Его жена Надежда Аллялуева умерла в 1932 году. Он как бы усыновил Артема Сергеева, отец которого погиб во время несчастного случая в 1921 году. Он по-отцовски заботится о двух дочерях Джапаридзе, расстрелянного англичанами в Баку. И о скольких иных заботится он! Я вижу, как сейчас, Арнольда Каплана и Бориса Гольдштейна, два маленьких таланта пианино и скрипки, которые с увлечением рассказывают мне, как Сталин их принял после их триумфа в консерватории. И когда каждый из них был награжден по 3.000 рублей, он сказал: „Теперь, когда ты стал капиталистом, будешь ли ты меня узнавать на улице?“

Смех Ленина и Сталина, если так можно выразиться, скрывает в себе чудесную иронию. Они широко

ею пользуются при всяком удобном случае. Весьма охотно Сталин придает своей мысли забавную сатирическую форму.

Демьян Бедный рассказывает интересную историю:

„Накануне июльских дней 1917 года мы были оба, Сталин и я, в редакции „Правды“. Позвонил телефон. Моряки Кронштадта спрашивают у Сталина: „Нужно ли идти на манифестацию с винтовками, или без?“ Я весь — внимание. Что он ответит по телефону,—спрашиваю себя. „Винтовки? Это ваше дело, товарищи! Мы, писатели, мы носим наши карандаши при себе“. Естественно, — говорит Бедный, все моряки пришли на манифестацию со своими „карандашами“.

Он умеет к тому же замаскировать свою иронию.

Когда Эмиль Людвиг восклицает по поводу одного его ответа: „Вы не подозреваете, насколько вы правы!“, он отвечает любезно: „Кто знает, может-быть я и подозреваю немного“. Наоборот, когда тот же самый писатель спросил его: „Считаете ли вы, что вас можно сравнить с Петром Великим?“, — он ответил без иронии „Исторические параллели всегда рискованны. Данная параллель—бессмысленна“. Он не пользуется всеми предоставленными ему возможностями, чтобы смеяться во весь голос.

То, что в нем всегда является, это: не стараться возвеличиваться, не подчеркивать своего значения.

Сталин написал важнейшие произведения в большом количестве. Они имеют классическую ценность в марксистской литературе,

но когда у него спрашивают, кто он, он отвечает:

„Я только наследник Ленина, и все мое стремление направлено к тому, чтобы быть верным наследником“. Интересно отметить, что в своих отчетах о работе, проделанной под его руководством, Сталин систематически относит на счет Ленина заслугу во всех достигнутых успехах, тогда, как большая часть принадлежит ему и при том, ведь нельзя проводить ленинизм, не будучи самому творцом. Отсюда слова: наследник, осуществитель, но этими словами такие люди пользуются лишь для того, чтобы снизить свою собственную роль и слиться с коллективом.

Окончание смотри на 4 стр.

МАРШ „Веселых ребят“

1
Легко на сердце от песни
веселой,
Она скучать не дает
никогда.
И любят песню деревни
и села
И любят песню большие
города.
Нам песня строить и жить
помогает,
Она, как друг, и зовет
и ведет.
И тот, кто с песней
по жизни шагает,—
Тот никогда и нигде
не пропадет!

2
Шагай вперед, комсомоль-
ское племя,
Шути и пой, чтоб улыбки
цвели!
Мы покоряем пространство
и время,
Мы молодые хозяева земли.
Нам песня жить и любить
помогает,
Она, как друг, и зовет
и ведет.
И тот, кто с песней
по жизни шагает,
Тот никогда и нигде
не пропадет!

3
Мы все добудем, пойдем
и отероим:
Холодный полес и свед голубой.
Когда страна быть прикажет
герою.
У нас героем становится любой.
Нам песня строить и жить
помогает,
Она, как друг, и зовет и ведет.
И тот, кто с песней по жизни
шагает,
Тот никогда и нигде не пропадет!

4
И если враг нашу радость
живую
Отнять захочет в упорном
бою,
Тогда мы песню споем
боевую
И встанем грудью за родину
свою.
Нам песня строить и жить
помогает,
Она на крыльях к победе
ведет.
И тот, кто с песней
по жизни шагает,
Тот никогда и нигде
не пропадет!

ЭКЗАМЕН ВЫДЕРЖАН

Скоро поднимется занавес и за каждым их движением будет следить пылливо и пристрастно публика. Выступающая на сцене впервые, Клава Петрова чувствует на спине холод. Да и старые драмкружковцы волнуются. Они держат экзамен — ставят „Чудесный сплав“, талантливую пьесу талантливого советского драматурга Киршона.

Курочкин — руководитель драмкружка в последний раз перед спектаклем торопливо говорит:

— Главное не теритесь! Волнение — испортит дело. И „Чудесный сплав“ станет плохим сплавом.

Драматург Киршон создал интересную, волнующую пьесу о комсомольцах, о советской молодежи. Комсомольская бригада химической лаборатории работает над проблемой создания легковесного сплава — берилля. В ответственный момент от бригады отходит Олег, человек отрицающий плодотворность коллективных форм научной работы, индивидуалист, ставящий свое личное „я“ выше коллектива.

Перед зрителем проходят замечательные люди нашей страны, замечатель-

ная молодежь. Комсомолец бригадир Гоша, комсомольцы Петька, Ян-Двали, Костя, Ирина. Большое впечатление оставляет Петька (Ф. Ростевский) — умный, находчивый, человек, который „в карман за словом не полезет“. Неплохо ведет роль Ян-Двали старый драмкружковец К. Н. Семенов.

Бывший член бригады Олег любит молодую химичку Наташу. Любя он забывает работу, отодвигает ее на задний план. Отвернувшись от коллектива, входящий в жизнь в белых перчатках, неспособен создать нового. Этот образ развил молодой драмкружковец Григорий Савин. И развил неплохо

Совсем противоположен Гоша — бригадир. Он не решается рассказать Наташе о своей любви, а любит он ее сильно. Он на первый план ставит работу. И это

рождает симпатию у всего зрительного зала. Драмкружковец В. Масленников играет искренне, с чувством, но притом еще сказывается неумение, незнание театральной техники.

Пьесу „Чудесный сплав“ драмкружок готовил в постановке полтора месяца. После дневной работы в цехах, драмкружковцы тщательно разучивали роли. Драмкружковцы Ростевский и Добрякова не только хорошо знали текст, но хорошо прочувствовали образы Петьки и уборщицы Тони и поэтому они (образы) на сцене появились интересными и живыми.

В целом спектакль прошел удачно. Он показал, что драмкружок первый экзамен выдержал и способен работать над серьезными вещами.

И. Калмыков

Советский писатель А. ЧАПЫГИН, автор романа „Степан Разин“ среди своих читателей — рабочих

выходит из низов. Человек, чей силуэт выделяется на красных плакатах рядом с силуэтами Карла Маркса и Ленина, — интересуется абсолютно всем и всеми. Он тот, который создал то, что есть, и создает то, что будет. Он спас. Он спасет.

Когда ночью проходишь по Красной площади, величественной и декоративной, то кажется, что тот, кто лежит в центральной гробнице на ночной и пустынной площади, есть единственный в мире, который не спит и который охраняет города и села.

Это — настоящий вождь, какого так любили рабочие, в котором рабочие с радостью видели одновременно и учителя, и товарища. Это — брат, отечески сложный над всеми.

Вы, которые его не знали, он вас знал заранее и заботился о вас. Кто бы вы ни были, он вам необходим. Кто бы вы ни были, лучшая часть вашей судьбы находится в руках этого другого человека, который тоже неуспешно блуждал над всеми и который работает, — человек с головой ученого, лицом рабочего и в одежде обыкновенного солдата.

Виктор Гюго

К 50-летию со дня смерти

22 мая 1885 года умер великий французский романтик Виктор Гюго.

Выходец из мелкобуржуазной семьи, сын наполеоновского генерала, Гюго отразил в своем творчестве протест тех мелкобуржуазных слоев, которые в конце XVIII века боролись за Великую французскую революцию, за создание демократического государства.

В одном из характерных для его творчества произведений, в романе „Собор Парижской богоматери“ Гюго высмеивает аристократизм и показывает торжество „добра, истины, справедливости“ в представителях социальных низов — цыганке Эсмеральде и звонаре Квазимодо. Эти образы он поднимает до трагической высоты. Только демократия, только народ, по мысли Гюго, являются носителями всего „великого и прекрасного“.

Гюго прославляет июльскую революцию 1830 года, свергнувшую реакционную монархию Бурбонов. Он активно на баррикадах борется против племянника Наполеона принца Луи-Наполеона, который в 1852 году совершил государственный переворот и создал новую империю на месте буржуазной республики. После коммуны 1870 года, когда торжествующая буржуазия расстреливала тысячами парижских рабочих, Гюго один из немногих протестовал против этих зверских казней, призывая к „милости и прощению“. Он был типичным мелкобуржуазным идеалистом, верившим в возможность „справедливого“ буржуазного правопорядка, при котором нет эксплуататоров и эксплуатируемых.

Литературное наследство Гюго огромно. После него остался ряд сборников стихов оказавших большое влияние на развитие поэзии XIX века, ряд драм и романов. Лучшие из драм Гюго — „Кромвель“, „Марион де Лорм“, „Эрнани“, „Король забавляется“, „Рюи Блаз“, „Мария Тюдор“. Лучшие из романов Гюго: „Собор Парижской богоматери“, „Отверженные“, „Труженики моря“, „Человек, который смеется“, „1793 год“.

А. С.

О литературной газете

Наша литературная газета „Литературный ударник сланца“ будет выходить два раза в квартал. В ней будут печататься кроме произведений начинающих писателей, критические статьи и заметки о лучших книгах, новинках кино, музыки, драматургии, отзывы читателей о книгах. Большое место будет уделено также показу народного творчества. Принимайте активное участие в работе газеты, становитесь литкорами.

Ответы рабкорам

Н. Симченко: Ваши стихи будут использоваться для следующего номера литературной газеты.

Зайдите в редакцию к тов. Франтишеву для их подробного разбора.

Вите Корнееву: Твое стихотворение требует значительной переделки. Зайди в редакцию для переговоров.

Отв. редактор И. Франтишев

Тип. „Гдов. кол.“ Зак. № 557
Уполн. Облгорл. № 312.
Тир. 1000. Колич. знак. 54.540

СТАЛИН

(Окончание)

Если необходимо время, чтобы понять этих людей, то это не потому, что они сложны, а именно из-за их простоты. В этой великой стране, где ученые начинают действительно воскрешать мертвых и спасать живых кровью трупов, где извлекают преступников, где туманные и ядовитые религии изгнаны в просторности мощным ветром времени, вера поднимается с самой земли, подобно лесам и жатвам. Это — вера в справедливость имманентной логики. Это вера в значение, в то, что Ленин так глубоко высказал, когда с ним говорили об отвратительном покушении, жертвой которого он стал и которое сократило его дни: „Что вы хотите? Каждый действует, как может“.

Эта вера в социалистический закон, в массу, в которую он внедрен, в труд, в то, что Степкий называет бурным ростом продуктивных сил. „Труд, — говорит Сталин, — дело доблести, чести, геройства“. Эта вера в кодекс труда, в коммунистический закон и его безграничную честность. „Мы верим нашей партии, — говорил Ленин. В ней мы видим разум, честь и доверие нашей эпохи“. „Не всякий, кто хочет, есть член партии, — говорит Сталин. — Не каждому дано бороться с трудностями и заботами“.

Если Сталин верит массам, то это взаимно. В новой России настоящий культ Сталина, но культ, основанный на доверии, культ, который целиком